

РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО. ОПЫТ НОВОГО ЗНАКОМСТВА

В.И. СПИРИДОНОВА

В последние десятилетия мы наблюдаем агрессивное отношение мирового сообщества не столько к себе, сколько к нашему пространству. И это объясняется не только богатством природных ресурсов и отсутствием сильной власти, крепкой государственности. Аппетиты возбуждаются также тем, что сегодня российское пространство воспринимается как «пустое». А пустое пространство, как известно, является «призывом к действию и упреком лентяям»¹, оно ждет своего завоевателя.

То, что российское пространство воспринимается как «пустое» связано не только со степенью его реального экономического освоения или не-освоения. Причина тому лежит даже не в географической малодоступности, и не в климатических особенностях обширных частей российской территории. Пространство «пусто» с точки зрения проекта, с идеологической точки зрения, с позиции наполнения его определенным смыслом. Но ведь именно смыслы, а точнее Идея, лежат в основании власти, движут массами, становятся политической силой и, в конечном счете, составляют фундамент крепкой государственности. Российское пространство, будучи на сегодня «безыдейным», тем самым автоматически становится ничейным.

Государство Российское стояло крепко в те периоды своей бурной истории, когда оформлялись цель и проект его существования, как правило, выходящие за пределы узко национальной ситуации. Московская Русь крепилась не только «грозою» царя и страхом причинины, она была наполнена собственным смыслом – собиранием земель и народов для спасения в лоне истинной веры. Православие мыслилось как единственно способное защитить людей от вторжения антихриста. Русь была «святою», потому что продлевала существование человечества, оттягивала наступление конца света. Пространство не было пустым, оно пребывало под напряженным током Идеи, было сопряжено с динамизмом идеи, формировавшей его и создававшей его образ. И этот образ дожил до настоящего времени, он был воскрешен в особом институте старчества, связанном с локальными пространствами, особыми топосами – «пустынями». Они суть реальные осколки, «острова» особого космоса, особого мира, именуемого «Святой Русью».

Что касается Петровской эпохи, то она до сих пор вызывает самые ожесточенные споры и полярные оценки. И это отчасти объясняется тем, что России было предложено новое бытие – бытие Империи, но

при этом не был выработан и заявлен духовный и идейный новаторский проект этого состояния. Копирование европейского цивилизационного проекта, которое, кстати, и ставится в вину российскому преобразователю, не есть инновация, достаточная для оправдания самостоятельности Новой Империи. Да, Россия при Петре расширила свои пределы. Однако само по себе пространство, территориальный факт огромности, с точки зрения «чистой идеи» Империи, представляет необходимое следствие и результат движущей идейной силы, новой концепции бытия в мире. Оно составляет итог реализации идеи, которая форматирует вновь создаваемое большое пространство. Петровская же Россия фактически стала «подпространством» Европы, периферией ее цивилизации.

Петр заимствовал *европейскую* цивилизационную идею, которая к тому времени проходила этап преодоления имперской матрицы, данной ей Римом и находилась в процессе формирования модели государства-нации. Но Империя и Государство-нация это фундаментально разные явления. Смысл нации-государства — в соединении его с территорией, в «материализации» политики. Основу этого образования составляет индивид, позднее гражданин. Национальное государство создается прикреплением к определенному месту в рамках прочной политической формулы, которая опирается на прагматически ориентированного гражданина, укорененного в частной собственности. Национальное государство материально — основа его суверенный народ. Его динамика — столкновения и конфликты внутри гражданского общества. Его фундамент — власть как *potestas*, как публичная *политическая сила*.

Империя — изначально сверхтерриториальна и основывается на идейном принципе. Основа ее динамики — *могущество, духовная мощь, власть как imperium*. «Древнеримское понятие *imperium*... означает чистое могущество распоряжения, как бы мистическую силу *aucto-ritas*... Империя — это изначально не территория, а принцип, идея»². Нематериальный, духовный характер власти-могущества Империи часто исторически приводил к сближению ее с религиозным динамическим импульсом, к наполнению ее теологическим смыслом. «Принцип *imperium*, проявившийся даже еще и в республиканском Риме, отражал волю к осуществлению на земле порядка и космической гармонии, вечно находящейся под угрозой»³. Для Империи характерны мессианизм и сакрализация. Ее историческое задание видится как вселенское и одновременно священное.

Таким образом, заимствуя европейскую цивилизационную идею, Петр закладывал фундамент радикального грядущего противоречия бытия страны. Сам себя он мыслил и именовал Первым Императором, но *неотрефлексированная* «оглядка» России на Запад, которая с той поры преследует ее на протяжении всего исторического времени,

заложила антагонистический дуализм в основу российской государственности. По сути и замыслу предназначение России – духовно-имперское, и попытки *несамостоятельного, нетворческого* сращения политических элементов национального и имперского бытия периодически рушили страну. Конкретно-исторически Россия достигала пика своего могущества как империя и падала с потерей основного начала, с вырождением идеи, ее питавшей. Территория из пространства Идеи превращалась в номенклатуру земель, которые рассыпались и обособливались или исчезали под властью иного государства.

Качественно новый этап развития страны связан с Идеей социализма. Сталин как первый исполнитель социалистического проекта, с одной стороны, был завершителем дела Петрова, но с другой, именно ему выпало на долю наполнить империю новым идейным и идеологическим смыслом. Отсюда и сохранение привлекательности этой политической фигуры и определенная ностальгия по той эпохе.

Советская Россия воплощала не только новаторскую социалистическую идею, но и, по сути, была системным проектом антикапитализма, который нес в себе грандиозный планетарный импульс, представленный, по В. Хлебникову, в идеале новой «республики ЗемШара»⁴. Такой код бытия, несомненно, достаточное условие для зачисления данной матрицы в разряд больших духовно-имперских идей. Примечательно то, что рождение масштабной мечты датируется группой русских поэтов-«будетлян» (от слова «будет»), к которой принадлежал В. Хлебников, началом 1910-х гг., т.е. задолго до революции 1917 г. Таким образом, эта идея не была искусственной программной установкой одной партии. Она, что называется, «носилась в воздухе», составляла мироощущение эпохи. Позднее В. Хлебников заметил: «Мы бросились в будущее с 1905 года»⁵.

Известно, что сам поэт-футурист одно время увлекался исследованием чисел и пытался вывести на этой основе закономерности исторического развития. Осенью 1911 г. он послал министру А.А. Нарышкину письмо, озаглавленное «Очерк значения чисел и о способах предвидения будущего». В мае 1912 г. им была издана брошюра «Учитель и ученик», в которой Хлебников попытался рассказать о найденных им «законах времени», в том числе предсказал бурные российские события 1917 г., Февральскую и Октябрьскую революции: «Не стоит ли ждать в 1917 году падения государства?»⁶ – писал он.

Сегодня индикаторы общественного сознания констатируют остаточные следы имперского ментального состояния российского бытия. Мы все еще продолжаем ощущать себя жителями «большого политического пространства». Народное сознание все еще расценивает свой мировой вес как «одну шестую часть суши»⁷. Современного россиянина отличает представление о своей стране как «"бескрайней", то есть бесконечно большой или хотя бы самой большой в мире»⁸.

Возможно, причины кроются в глубинах коллективного бессознательного, которое мыслит свое спасение именно в категориях «духовного могущества», «силы духа и силы воли», былинных образах русской крепости. Фактом остается то, что сегодня отсутствует главное – собственный проект развития страны. Россия сегодня «открыта всем ветрам» куда более, нежели когда-либо ранее. Она тем более уязвима, потому что у нее нет собственного взгляда на мир, прочного само-осознания, понимания своих особенностей и собственного бытия в мире.

Поиски «нового» смысла

Сегодня в наши рассуждения о самоидентификации все чаще возвращаются гиперборейские мотивы. Работает логика мифологического сознания, исповедующая вечное возвращение к истокам, к которому коллективное бессознательное становится особенно чувствительным в периоды смут и идейных переломов. Говорят о России уже не как о «западной», «восточной» и даже «евразийской» державе, а как о «северной». Действительно, выработка самостоятельного, независимого от западных конструкций пространственного образа для России возможна на основе поиска новой точки отсчета в ее существовании как приарктической державы.

Попытки интерпретации цивилизационной или социокультурной сущности России исключительно как евразийской грешат тем, что «все споры о специфике русского типа развития сводятся к выяснению соотношения европейскости и азиатчины – чего больше. В зависимости от “подсчета” получается либо Евразия, либо – Азиопа. Ну а на практике все сводится к борьбе за развитие по европейскому или азиатскому направлению, тогда как собственно русское, северное, а не западное или восточное, исчезают»⁹.

Процесс дистанцирования концепта русской Евразии от образов Европы и Азии, преодоление дуализма Запада и Востока видится современными авторами на пути формирования нового метагеографического образа Севера Евразии, или Северной Евразии. Он может стать фундаментом обретения Россией собственной пространственно-мифологической миссии и аутентичности, гарантией от поглощения ее более крупными и мощными цивилизациями или политическими образованиями¹⁰.

Стремление укрыться в «высоких широтах» в эпохи неустойчивого развития страны, находящейся на грани катастрофы, отмечалось в истории России с начала ее возникновения как государства. Иван Грозный в самые опасные периоды своего царствования был охвачен идеей перенесения столицы Руси на северные рубежи – в Вологду, и только случай заставил его отказаться от своей затеи¹¹. Принимая во внимание особую историософскую значимость концепта столицы

для российского государства (Московская Русь, Петровская Россия), следует считать замыслы первого русского царя симптоматичными. Смена местоположения главного города предстает как территориальное оформление разрыва с прошлым: «Москве Грозный противопоставляет Александровскую слободу и Вологду. Первая – это личная резиденция царя... а вторая призвана быть столицей новой России. В Вологде царь строит Успенский собор (называемый также Софийским) по образцу московского, который в свою очередь через владимирский Успенский собор преемственно связан с киевской Софией»¹².

Северное направление привлекательно и тем, что оно единственное открывает прямой выход к морю. Старая геополитическая дихотомия «морских» и «континентальных» государств исторически постоянно оказывала давление на политические стратегии страны. Стремление выйти к морю было неистребимым лейтмотивом политики всех российских царствований. «Прорубить окно в Европу» через Балтику, «омыть сапоги в Индийском Океане» – все эти политические стремления и мифы были порождены логикой развития европейского капитала, согласно которой в основе успешного развития лежат коммуникации. Самыми выгодными естественными мировыми путями всегда признавались моря. Более того, море связывалось с образом «колыбели цивилизации», а потому принадлежность к нему создавала алиби цивилизованности, что само по себе уже стало признаком прогресса и восхождения по мировой лестнице позитивной самооценки нации. Единственным морским пространством, которое принадлежало России изначально, неоспоримо, «по праву первородства», был, очевидно, Северный Ледовитый океан. Его геополитический смысл рано или поздно должен был проявить себя в качестве опоры для построения Россией собственной цивилизационной идентичности.

Сегодня говорят о конце проекта модерн и о переходе к новому проекту, который можно было бы назвать спациалистским, или геоспациалистским (от *space* – пространство). Специально подчеркивается, что речь идет не о традиционном географически понимаемом пространстве эпохи модерна, когда авторов интересовали его экономические, политические и социальные атрибуты¹³.

Новый спациалистский подход, в частности, мотивирован идеями М. Фуко. В середине 80-х гг. прошлого века появилась его работа «Другие пространства», в которой он рассуждает по поводу понятия «гетеротопия», ставшего ныне очень популярным. Оно, правда, не получило однозначной интерпретации и понимается по-разному различными авторами, исходя из их методологических установок и разнообразия решаемых ими теоретических проблем. Это связано с тем, что сама статья представляет собой лишь предварительный набросок, очерк, задающий возможное направление исследовательской мысли¹⁴.

Не отказываясь от концепта времени как великой и даже «навязчивой идеи» европейского философствования последних веков, Фуко предлагает анализировать современную эпоху через призму пространства. Сегодня мир воспринимается не столько как «великая жизнь, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собой точки и перекрещивающая нити своего клуба»¹⁵. Отношение к пространству, пишет он, менялось исторически. В Средние века главной категорией анализа была локализация, после открытия Галилея ее заменила протяженность. В XX в. настала пора заинтересоваться «местоположениями», и среди них такими, которые так соотносятся с другими пространствами, что фактически противоречат им, выпадают из общей однородности. Фуко называет их гетеротопиями. Он анализирует образцы «других пространств»-гетеротопий внутри западноевропейской культуры. Таковы, например, пространства музея или библиотеки, которые накапливают время. Его интересуют такие «гетеротопии» как больницы, кладбища, публичные дома, курорты и т.п. которые контрастируют с остальными возможными местоположениями и в которых возможны социальные отношения и модели поведения, исключенные из нормального порядка повседневной жизни. Фуко акцентирует прежде всего структуралистский аспект исследования, гетеротопия представляет собой особого рода пространственно-временное единство, связанное с анализом субъективности.

Расширение современного инструментария для анализа приводит к тому, что в ряд «других пространств-гетеротопий» попадают свободные экономические зоны; площади городов, бурлящие манифестациями, бунтами и бескровными революциями; участки, захваченные повстанцами; сквоты анархистов и экологические поселения. Применительно к российскому пространству идеи Фуко расцениваются в проекции переноса акцента на локальные объекты. Однако преимущественное внимание к «локусам» имеет побочный эффект упразднения идеи общего пространства, которое благодаря утрате адекватного ему типа власти и типа развития сегодня и без того плохо связано. Более того, отдельные окраинные регионы включаются в различные подсистемы и макрорегионы мировой экономики, еще более растягивая пространство. Усиливается тенденция «обкалывания» российских окраин.

Некоторые авторы, впрочем, предлагают расширить горизонт обзора «других пространств» до политических перспектив и признать гетеротопию в качестве теоретического инструментария геополитики. В таком случае гетеротопиями могут выглядеть такие государства с проблемным суверенитетом как Косово, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия и другие, которые настаивают на важности и особенности своих культурных, религиозных и традиционных факторов¹⁶.

Исходя из этих общетеоретических положений, Россия в целом, в со-пространстве с Европой, есть сама по себе огромная гетеротопия, «другое пространство», «другая Европа», «вторая Европа», «сверхЕвропа», «левая сверхЕвропа». Успешно или нет, но она реализовала утопию антикапитализма, которая по замыслу была обратной аналогией капитализму, его системным антиподом¹⁷. Таким образом, понятие «другое пространство» позволяет уравнивать шансы на цивилизованность и на важность в мировой истории любого региона мира, будь только на то политическая воля этого конкретного «локуса».

«Море» против «суши» – «текущая современность» против твердых тел

Давно существующую и всем известную геополитическую концепцию противопоставления цивилизаций «моря» цивилизациям «суши», морских держав континентальным, в последнее время нередко предлагают рассматривать как не более, чем метафору. Слишком уж красочно она выглядит, и на удивление ладно встраиваются в эту концепцию исторические события, по-другому трудно и сложно объяснимые. Словом, возникают сомнения: а не миф ли это, не сказочная ли интерпретация серьезных фактов, непригодная для строгого анализа?

Опасения такого рода, однако, начинают выглядеть напрасными с появлением новой работы крупного английского социолога З. Баумана «Текущая современность»¹⁸. Ученый констатирует изменение качества европейской цивилизации, которая сегодня переходит на новый уровень развития, уже не поддающийся описанию в известных категориях постмодерна, информационного и сетевого общества. Новое состояние общества есть переход от мира плотного, обремененного множеством условий и обязательств к миру пластичному, лишенному барьеров и границ, превращение «тяжелой» современности в «легкую» современность. И это требует переосмысления всех параметров существования индивида и социума. Центральными категориями исследования, несмотря на многообразие аспектов, теперь выступают время и пространство.

В современной литературе по изучению западной и восточной, в частности, российской истории неоднократно утверждалось, что время есть главный атрибут европейского модерна. Европейская цивилизация даже определялась как «цивилизация времени» в отличие от российской цивилизации, которая считается «цивилизацией пространства»¹⁹. В своих рассуждениях английский социолог нисколько не противоречит этому дуализму. Он также отмечает, что «современность, помимо всего прочего, возможно, даже в большей степени, чем все прочее, является историей времени»²⁰. Главным принципом существования европейской цивилизации М. Вебер на-

звал «инструментальную рациональность». В полном соответствии с этим принципом и благодаря техническому прогрессу в области средств передвижения, отмечает З. Бауман, время стало использоваться как инструмент для преодоления сопротивления пространства, как «оружие» по его покорению.

Цивилизация «моря», развивая свои сильные стороны — способность легко перемещаться, огибать, просачиваться и затоплять «твердые тела»²¹ (сушу, цивилизацию пространства), наследует прежнюю схему отношений. Стратегии «текучей современности» по затоплению «твердых тел» замечательно перекликаются с классическими схемами действия «морских держав» в теории геополитики.

Изначальный антагонизм земли и моря был замечен с давних пор, и еще в конце XIX в. имевшуюся тогда напряженность в отношениях между Россией и Англией любили изображать в виде битвы медведя с китом. Согласно средневековым толкованиям, всемирная история — не что иное, как борьба между могущественным китом, Левиафаном, и столь же сильным наземным животным Бегемотом. Бегемот старается разорвать Левиафана своими рогами и зубами, Левиафан же стремится зажать своими плавниками пасть и нос Бегемота, чтобы тот не смог есть и дышать. Это предельно наглядное, какое только позволяет дать миф, изображение блокады континентальной державы морской державой, закрывающей все морские подходы к суше, чтобы вызвать голод, пишет К. Шмитт²².

Качественный сдвиг, произошедший в эпоху «текучей модерности», изменил тактику действия, но не саму суть противостояния. В мире «программного обеспечения», когда перемещения осуществляются со скоростью света, пространство может быть пересечено буквально за «нулевое время»²³. Власть становится поистине экстерриториальной. «Тяжелая» современность была эрой прямых территориальных завоеваний. Она требовала неприступных стен, охраны границ и сохранения тайн местоположения. Новая техника власти использует в качестве своих главных инструментов свободу и искусство ускользания. Для новых властителей-кочевников, от которых зависит судьба менее подвижных партнеров в отношениях, важно в любой момент оказаться за пределами досягаемости. «В “жидкой” современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения»²⁴.

Однако обесценивание пространства вовсе не означает прекращение войны миров. Прототипом новой тактики стал принцип «нападай и убегай». Этот новый способ реализации власти был ярко проиллюстрирован во время войн в Персидском заливе и в Югославии. «Удары, нанесенные самолетами-невидимками и “умными” самоуправляющимися и самонаводящимися на цель ракетами — неожиданно прилепившимися ниоткуда и немедленно исчезнувшими из вида, — заменяли

территориальное продвижение отрядов пехоты и попытка вытеснить врага с его территории»²⁵.

Вместо примитивного захвата территории, практиковавшегося в прежние годы, ныне достаточно всего лишь выбить из головы врага желание быть уникальным, особенным. Тактика эпохи «текучей современности» стремится установить единые для всех правила, оригинальное издание которых находится в одном центре мира. Несмотря на особое внимание к идее пространства, в связке «пространство-время» западное мышление отдает приоритет второму, делая его инструментом, «пожирающим пространство». Современная революция в средствах коммуникаций – последний штрих европейской исторической ставки на ускорение.

Что касается России, то, как справедливо замечает А.И. Фурсов, ее главным богатством и геоисторическим капиталом, который она в нужные моменты бросала в качестве сверхтяжелой гири на Весы Истории, всегда было именно пространство²⁶. Свойства пространства в отношении времени проявляются прежде всего в том, что оно склонно нейтрализовать воздействие времени, эффективно сопротивляться его ходу или делать его нерелевантным.

Все великие войны Запада против России от Наполеона до Гитлера планировались как блицкриг. Ответом была тактика затягивания, снижения импульса быстрого наступления методом «заманивания» вглубь территории, где постепенно затухали все порывы и делались расплывчатыми и неэффективными «ускорительные» стратегии. Глубоко осознавая огромное пространственное преимущество России, О. Шпенглер предостерегал в свое время немецких лидеров от вторжения в Россию именно на основе таких аргументов. Такое государство невозможно победить, отмечал он, ибо народ будет уходить в бескрайнюю глубь собственных территорий: «Удаленность есть сила, которая политическими и военными средствами еще никогда не была преодолена»²⁷.

Глубина территории превращает линейные границы в полосы, растягивает их, делает их более прочными и протяженными. Но такое положение дел входит в противоречие с главным кредо современного мира, в который брошен лозунг – «мир без границ».

Сегодня глобализация видит свою главную цель и рекламирует себя как великое благо для человечества именно в качестве способа упразднения границ. Однако в реальности мир от этого не становится безопаснее, ибо смысл глобализации вовсе не в достижении мирного сосуществования, а в унификации пространства, которое должно стать легкой добычей «повелителя времени». Именно снятие всех барьеров и препятствий дает возможность свободному продвижению «текучей современности», которая есть продвижение на мировой карте без границ общих и единых для всех правил игры.

Вопрос в том, кто эти правила устанавливает и кто выигрывает в такой игре?

Этот вопрос приобретает ныне особую актуальность, ибо некогда сформулированный девиз глобализации как «мира без границ» после 11 сентября на наших глазах трансформируется в реальную «войну без границ». Совершенно очевидно, что мир и человечество подошли к той роковой точке, когда необходимо искать реальные пути противостояния глобальной стратегии нового гегемона и диктатора современности. И России в решении этой проблемы отведена далеко не последняя роль. Именно на такой поворот в развитии мировых событий указывает известный американский исследователь цивилизаций С. Хантингтон, когда пишет: «Коллапс марксизма в Советском Союзе и его последующая реформа в Китае и Вьетнаме не означают, однако, что эти общества способны лишь импортировать идеологию западной либеральной демократии. Жители Запада, которые так считают, скорее всего, будут удивлены творческой силой, гибкостью и своеобразием не-западных культур»²⁸.

Перед Россией стоит задача дать достойный «идейный» ответ Западу. Точкой опоры для такого «мирного мирового» переворота может и должно стать осознание себя как «северной» страны, таящее в себе неразгаданную мощь спасительного гиперборейского мифа. «Возвращение к истокам» с неизбежностью приведет к дооформлению качественно иной по отношению к Западу русской цивилизации. Как справедливо заметил американский ученый, «на протяжении четырехсот лет отношения между цивилизациями заключались в подчинении других обществ западной цивилизации», и «лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддерживать самостоятельное независимое существование»²⁹.

В этом отношении северный вектор развития России (хотя бы и виртуальный) таит в себе сразу несколько преимуществ.

Во-первых, он дает возможность полномасштабного обзора горизонтально растянутого географического пространства новой России. Северная точка отсчета идеальна для визирного луча северного прожектора, охватывающего из этой позиции территорию в ее целостности.

Во-вторых, он позволяет России осознать себя как качественно «другое пространство». Это создает так необходимую нам сегодня точку опоры для нового российского самостояния. Одновременно северный «архетип» может стать стартовой чертой для созидания ее нового истинного **духовно-имперского** бытия, тогда мир в целом обретает шанс вернуться в равновесно-устойчивое состояние и реализовать подлинную многополярность с перспективой появления двух и более центров.

Наконец, восстановление идейного фундамента эволюции России закладывает условия для переосмысления идеологически «нагруженной» валлерстайновской формулы глобального «миросистемного» развития. Вместо претенциозного наступления «доброй» «мир-экономики» на «злую» «мир-империю» вырисовываются контуры противостояния «мир-идеи» «мир-капиталу».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бауман З. Текущая современность. – СПб., 2008. – С. 124.
- ² Бенуа А. де. Идея империи // Бенуа А. де. Против либерализма. К четвертой политической теории. – СПб., 2009. – С. 441, 442.
- ³ Там же. – С. 447 – 448.
- ⁴ Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории. – URL: <http://holmogorow.nigilist.ru/archive/fursoveturazia.htm>.
- ⁵ См., например: Велимир Хлебников. – URL: // <http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/newtime/hlebnikov/index1.html>
- ⁶ Там же.
- ⁷ Филиппов А. Смысл империи: к социологии политического пространства. – URL: // <http://old.russ.ru/antolog/inoc/filipp.htm>
- ⁸ Левинсон А. Война и земля как этические категории // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3. – С. 106.
- ⁹ Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия...
- ¹⁰ Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. – С. 71 – 90.
- ¹¹ Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. – М., 1990. № 4. – С. 5.
- ¹² Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. – С. 177; См. также: Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. – М., 2002 .
- ¹³ См.: Замятин Д.Н. Геоспациализм. Онтологическая динамика пространственных образов // Общественные науки и современность. 2011. № 5. – С. 129 – 138; Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6. – С. 48 – 63.
- ¹⁴ См.: Беззубова О.В. Гетеротопии городского пространства: К истории концепта // Эстетика архитектуры и дизайна: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (4 – 6 октября 2010 г.). – М., 2010. – С. 27 – 31.
- ¹⁵ Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. – М., 2006. – С. 191.
- ¹⁶ См.: Славин Л. Фуко: дискурс знания и география власти. – URL: <http://geopolitica.ru/Articles/861/>
- ¹⁷ См.: Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия...
- ¹⁸ См.: Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008.
- ¹⁹ См., например: Панарин А.С. Цивилизации и культуры. Вып. 3. – М., 1996. – С. 38; Фурсов А.И. Колокола истории. – М., 1996. – С. 83 – 88; Шевченко В.Н. Вектор развития российской цивилизации и политические стратегии власти // По-

литические стратегии российского государства как философская проблема. – М., 2011. – С. 28 – 37.

²⁰ Бауман З. Текучая современность. – С. 120.

²¹ Там же. – С. 8.

²² Шмитт К. Земля и море. Рассказ для моей дочери // Шмитт К. Номос земли. – М., 2008. – С. 581.

²³ Бауман З. Текучая современность. – С. 128.

²⁴ Там же. – С. 131.

²⁵ Там же. – С. 18.

²⁶ См.: Фурсов А.И. Русская власть, Россия и Евразия...

²⁷ Шпенглер О. Годы решений // Шпенглер О. Политические произведения. – М., 2008. – С. 95.

²⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2006. – С. 67.

²⁹ Там же.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы формирования смыслового и мировоззренческого стержня нового понимания российского пространства в исторической ретроспективе от Московской Руси, сопряженной с динамизмом идеи спасения, через незавершенность петровской имперской формулы, сделавшей Россию «подпространством» Европы, через советский духовно-имперский проект, реализовавший системный проект антикапитализма, к современному оформлению России как «другого пространства».

Ключевые слова: постсовременный мир, российское пространство, империя, геополитика, российское государство, государство-нация, политическая власть, национальная идентичность, политические стратегии.

Summary

The article examines the problems of forming of sense and conceptual pivot of new Russian territory in the historical retrospection from Moskovia. This retrospection is ajointed with the dynamism of the Idea of Salvation. The problems are considered through incompleteness of the formula of Tsar Peter which made Russia the so-called European subterritory. They are also scrutinized through the Soviet spiritually-imperial project, which realized the system project of anticapitalism. Finally the problem is analysed in context of modern mounting of Russia as so-called «another territory».

Keywords: post-modern world, Russian territory, empire, geopolitics, Russian State, Nation-State, political power, national identity, political strategies.